

УДК 165.12

DOI: 10.17223/1998863X/47/11

М.В. Гончаренко, В.Н. Гончаренко

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСА КАК СЛЕДСТВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

Проанализированы процесс трансформации дискурса и появление новых эпистемологических полей. Этот процесс изучен в контексте корреляции лингвистической и внелингвистической реальности. Рассмотрено значение динамического объекта в процессе формирования нового знания: схемы познания, ограниченные социальными практиками, развиваются по мере обнаружения ранее неизвестных аспектов действительности, создавая новые интерпретации известных фактов.

Ключевые слова: эпистемологическое поле, дискурс, факт, метафора, интерпретация.

Начиная разговор о метафоре в контексте формирования нового знания, мы всегда возвращаемся в как бы исходную позицию, в которой пытаемся снова и снова выяснить, что представляет собой феномен первоосновной черты, который позволяет нам давать определения всем терминам любого лексикона [1]. Данная попытка, как показывает история мировой культуры, является настолько же успешной, насколько и бесплодной одновременно. Потому что, с одной стороны, как утверждал Аристотель [2], мы, давая определение субстанции, выявляем её сущностные признаки [1], при этом субстанция таковой является именно для нас, что актуализирует проблему бесконечно возможной переинтерпретации этой субстанции для нас посредством постоянно обновляющегося дискурса. С другой стороны, история наших представлений о первооснове никак не помогает приблизиться к рассмотрению, собственно, оснований этой первоосновы.

У. Эко, ссылаясь на идею неограниченного семиозиса Ч. Пирса, полагает, что любой лексикон, обладая кодом того или иного семиотического механизма, обеспечивает процедуру истолкования каждого своего термина посредством других своих же терминов [Там же]. Если принять это предположение, мы окажемся в континууме, в котором функционируют семиотические механизмы, формирующие всё новые ступени познания за счёт появления новой терминологии или новых понятий, но при этом, невзирая на процессы неограниченного семиозиса, первооснова (субстанция, которая не для нас) занимает то же место, что и прежде, т.е. она не приобретает в процессе неограниченного семиозиса новых интерпретаций. Связано ли с этим, что лингвистические знания и познание мира с точки зрения семантики эквивалентны? Предположительно, да, так как лингвистические знания – это запрототипированный процесс конституирования мира для познающего субъекта, реальность этого мира во всём его разнообразии сосредоточена именно в лингвистических знаниях: любой термин лексикона представляет тот или иной денотат как элемент мира. На этом основании естественным выглядит утверждение: реальность является не семантической, а онтологической проблемой. К примеру, У. Эко настаивает на том, что метафора способ-

на на многое с точки зрения формирования нового знания, однако она не в состоянии ничего изменить в случае с *непознаваемым*, так как трансцендентальным признакам мироздания присуща онтологическая сущность [1].

Тем не менее данное утверждение, как и идея неограниченного семиозиса Ч. Пирса, которая, безусловно, включает в себя и феномен метафоры, не являются продуктивными до тех пор, пока мы не определимся по поводу их роли в контексте проблемы факта как эпистемологического поля. В этом аспекте идея лабиринта как формы развития и фиксации знания [Там же] хорошо освещает проблему генезиса и трансформации эпистемологического поля, которое может в любой момент по совершенно различным причинам приобрести новое качество за счёт «включения» / «выключения» необходимых для этого сегментов или элементов знания.

В связи с этим возникает вопрос о возможности рассмотрения понятий «эпистемологическое поле» и «временная искусственная конструкция» как эквивалентных. Если искусственные конструкции существуют временно и функционируют с определённой целью, то это значит, что, с одной стороны, область их использования ограничена, а с другой стороны, что это ограничение одновременно становится вектором возможного дальнейшего следования. Так, филологические изыскания классического периода Древней Греции не предусматривали исторической реконструкции языка, которая стала возможной в Новое время, поскольку методология сравнительно-исторического анализа языка предусматривает в качестве необходимых такие элементы и факты исследования, как хронологические и пространственные характеристики праязыковых состояний, историческая дифференциация языков, их эволюция и мн. др., которые были неизвестны в древнегреческую эпоху. Обратим внимание на подвижность классификаций, исходя из приведённого примера.

Итак, любая, даже самая незначительная, классификация – это вариант *параэнциклопедии* (как систематизации определённого набора *так*-известных сущностей), который делает возможным дальнейшее следование или переход от уже имеющегося знания к ещё необходимому знанию. Одним из существенных признаков классификаций, как, впрочем, и энциклопедий, является их подвижность, т.е. вариативность. По-нашему мнению, такого рода подвижность классификаций объясняется перманентно меняющимся порядком изложений или представлений, который обусловлен семиотическими механизмами (актуальность того или иного порядка связана с актуальностью того или иного семиотического механизма). Таким образом, если определение – это результат энциклопедии / классификации [Там же], то различные энциклопедии – это основания для различных определений, поэтому феномен вариативности дефиниций – это следствие феномена вариативности порядка, конструируемого различными семиотическими механизмами.

Возвращаясь к вопросу об эпистемологическом поле, важно отметить следующее. **Эпистемологическое поле** – это некоторая дискурсивная область / дискурс, ядром которой является факт с его логически возможным бесконечным множеством интерпретаций. Каждая следующая интерпретация становится возможной в результате появления или конституирования нового знания, нового определения того или иного элемента этого дискурса и пр. Совокупность всех этих интерпретаций и создаёт единую дискурсивную об-

ласть / область дискурса, относящуюся к конкретному факту. Эпохальная актуальность того или иного дискурса всегда обусловлена эпохальной актуальностью той или иной интерпретации факта; новое эпистемологическое поле как концептуальный каркас формируется как результат новой фактуальной интерпретации. Однако при этом нельзя отождествлять онтологию дискурса и эпистемологическое поле, так как эпистемологические поля – это множество исключительно актуальных, а не предполагаемых интерпретаций. Что касается возможных интерпретаций, то они, безусловно, являются частью онтологии дискурса наряду с эпистемологическими полями. Онтология дискурса всегда шире эпистемологического поля, т.е. эпистемологическое поле является частью онтологии дискурса, а не наоборот. Таким образом, актуальность определённого множества эпистемологических полей служит показателем культурного уровня в самом широком смысле.

Исходя из нашего представления о сущности и причинах формирования эпистемологических полей, мы совершенно согласны с У. Эко в вопросе об онтологии как репрезентации части энциклопедического знания [1]. Действительно, энциклопедия знания постоянно расширяется в результате формирования новых эпистемологических полей, которые представляют всё новые аспекты онтологии дискурса. В этой связи пример, на который ссылается У. Эко [Там же], очень кстати: Гамлет у Шекспира не только не имеет свойства наличия или отсутствия волос, но не имеет и таких свойств, как наличие или отсутствие здоровья, осознания, обоняния и пр., однако при необходимости Гамлет получает такие свойства, иначе как мы можем снять о нём фильм или поставить спектакль. Онтология дискурса любезно предоставляет возможность репрезентации героя Гамлета и лысым, и здоровым, и лишённым обоняния, и т.д. И эти реализованные возможности будут как раз теми эпистемологическими полями, которые получают свою актуальность в результате того, что эпохальный культурный дискурс будет в них нуждаться.

Если мы обратимся к энциклопедии научного знания, то здесь дело будет обстоять приблизительно так же. Как хорошо известно, ни геометрия Г. Римана (эллиптическая геометрия), ни геометрия Н. Лобачевского (гиперболическая геометрия) не элиминировали геометрию Евклида. Дело в том, что в основе гиперболической геометрии представлены те же посылы, что и в евклидовой геометрии, но аксиома о параллельных прямых заменена её отрицанием. Эллиптическая геометрия имеет намного больше отличий, так как в её контексте две прямые имеют только одну точку пересечения. Как бы то ни было, для нас особую ценность в этом примере представляет то, что все эти геометрии (как эпистемологические поля) «занимаются» трансформацией пространства постоянной кривизны, которое и организует, как мы видим, на протяжении тысячелетий онтологию дискурса геометрии. Плоскость, прямая, сфера как понятия и факты абсолютной геометрии не утратили своей актуальности, каждая из них соответствует своему назначению и используется в соответствующем контексте. Помимо этого, этот процесс показывает нам свою вечную незавершённость, так как энциклопедия геометрического знания остаётся открытой по причине всегда незавершённой онтологии дискурса. Онтология дискурса может иметь совершенно различные принципы организации (это зависит от доминирования на том или ином этапе того или

инного способа организации её эпистемологических полей), но именно она сопричастна к появлению феномена энциклопедии знания.

Так, рассуждая о методе онтической редукции, К.-О. Апель [3] утверждает, что Новое время исходило из возможности объяснения фактически сущего из другого сущего, что было возможно в связи с актуальностью причинно-аналитического метода исследования естествознания. Цель – это причинное следствие уже известного факта, т.е. это схема редукции сущего к сущему, которая не предполагает завершения, она постоянно открыта за счёт уже известных фактов [4]. Следовательно, разделение Ч. Пирса [5] между реальным познаваемым *в конечном счёте* и фактически познанным *тогда-то* достаточно хорошо объясняет возможность такого рода нововременной энциклопедической схемы.

Однако, по-нашему мнению, в связи с описанием процессов порождения и трансформации значения мы отвлеклись от смысла, который сопровождает, а возможно во многом и обуславливает эти процессы. Вслед за У. Эко [1] обратимся к теории четырёх смыслов у Августина Дакийского (XIII в.), которая говорит о том, что *буква* сообщает о событиях, *аллегория* говорит о том, во что верить, *нравоучение* сообщает, что нужно делать, *анагогическое истолкование* показывает то, к чему необходимо стремиться. Применим данную теорию, чтобы разобраться с тем, что происходит с Дон Кихотом, который прочитал множество рыцарских романов. На примере Дон Кихота рассмотрим процесс трансформации реальности вследствие многомерности смысла. Иными словами, в соответствии с каким из четырёх возможных смыслов разворачивается поведение Дон Кихота?

Первое, что приходит в голову: с *анагогическим смыслом*, т.е. «в соответствии с тем, к чему ты должен стремиться». В таком случае уместен следующий вопрос: что именно в рыцарском романе обусловило данное устремление героя? Очевидно, здесь необходимо обратиться к *аллегории*, которая, согласно теории четырёх смыслов, указывает на то, во что должно верить. Дон Кихот, как мы помним, верит в Прекрасную Даму (Дульсинею Тобосскую), которой и посвящает свою жизнь, своё служение, поэтому, когда происходит встреча героя с той реальной Дамой, он не может признать в ней Дульсинею, во имя которой в его жизни происходят все события и совершаются все подвиги. Таким образом, событийный / буквальный смысл дискурса становится недоступным для героя, так как он исключительно: 1) верит; 2) делает; 3) стремится.

Следовательно, смысл буквального, а вернее, изъятие данного смысла из когнитивного континуума Дон Кихота, погружает героя в неполный, дефектный, дискурс, трагикомизм которого, обусловлен неполноценностью самого этого дискурса. Реальность рыцаря Печального Образа упразднила реальность романного испанского идадьго посредством изъятия исторической эпохи, в которых был создан рыцарский роман.

Продолжая разговор о метафоре в контексте формирования нового знания после анализа феномена *первоосновной черты*, которая позволяет определять термины любого лексикона, обратимся к следующему. Утверждение, что определением может быть как характеристика наличия некоторых элементов у объекта познания, так и характеристика отсутствия каких-то элементов у того же объекта познания, не является новым. Однако с точки зре-

ния познавательного процесса данные типы определения приводят к неожиданным выводам. У. Эко приводит пример идеи-определения Единого у Псевдо-Дионисия Ареопагита [1], в соответствии с которым божественное описывается как *не существующее* как тело, *не имеющее* образа, массы, *не находящееся* в пространстве, как *невидимое* и *неосязаемое*, *не чувствующее* и *нечувственное* и т.д. В конечном итоге на основании этих характеристик-отрицаний Дионисий приходит к заключению, что природа божественного – это пресветлый мрак молчания. По мнению У. Эко, здесь мы имеем дело с оксюморонами, которые основаны на метафорах. Однако не составит особой трудности предположить, что основанием этих оксюморонов является как раз отрицательная характеристика, т.е. характеристика, основанная на перечислении отсутствующих или невозможных элементов объекта, создающая новый аспект видения объекта посредством метафоры.

Возможно, оксюморон в принципе метафоричен; способствует такому предположению выражение Абельяра “*nulla rosa est*”, которое указывает на реальность проблемы существования несуществующей вещи. Таким образом, определение Единого у Псевдо-Дионисия Ареопагита (а вернее, его оксюморонно-метафорное основание) отсылает нас к известному рассуждению У. Оккама, который допускает возможность высказывания типа *я видел, что там ничего не видно*. По У. Оккаму, данного типа высказывания возможны, так как противоречие видения того, чего не было, является следствием интуитивного познания несуществующего объекта [6]. Безусловно, причиной такого положения вещей у У. Оккама является божественное могущество, но не есть ли это метафора, формирующая новое прочтение противоречия в дискурсе средневековой схоластики? Разве не это имеет в виду П. Фейерабенд, утверждая, что различные типы информации и разные принципы утверждения приводят нас к совершенно различным видам знания [7]? В конечном итоге различные виды знаний и различные типы определений, как неотъемлемый атрибут знаний, – это всего лишь различные способы конституирования реальности¹.

Вернёмся к проблеме знака: к его природе и коммуникативной роли. Не разрешённая Августином дихотомия между отношением инференции (как отношением между знаком и вещью, им обозначенной) и отношением эквивалентности (между лингвистическим термином и понятием, которое он означает, или вещью, которую он десигнирует) [1] говорит в том числе и о том, что теоретически интерпретировать использование знака (в тех или иных контекстах) можно бесконечно, однако практически интерпретация ограничивается несколькими типами контекстов, которыми ограничено употребление этого знака. Наверное, поэтому Августин выделил всего два рода

¹ Для демонстрации наглядности принципа *правомерности* различных видов знания очень хороший пример приводит П. Фейерабенд [7]. Он обращается к «*On Poetics*» Аристотеля [8. 1451b 5-20], в которой утверждалось, что трагедия, будучи литературным жанром, лучше раскрывает законы человеческого бытия, чем история, которая повествует о том, что было. И возможно это по причине того, что трагедия повествует о том, что могло бы быть (ведь если бы оно было невозможно, то его и не было бы в трагедии), а история о том, что было. Трагедия говорит об общем, а история – о единичном. Поэт-трагик использует частные факты, постигая логику их возникновения и развития, чтобы ознакомить зрителя / читателя с такими-то возможными положениями дел и сделать его сопричастным. Историк же занят другим: его интересует единственно возможное положение дел, в то время как установить это едва ли возможно (фальсификация далеко не всегда бывает преднамеренной).

знаков: естественные и искусственные. Естественные демонстрируют что-то, что является непреднамеренным действием (так дым символизирует огонь), а искусственные – то, что преднамеренно должно нам сообщать о чём-то [9. II, 1–4]. Однако для того чтобы нечто символизировало что-то, нужно, чтобы этот знак был известен познающему субъекту, потому что если субъект не имеет представления о причинно-следственной связи между огнём и дымом (по сути не знаком с такого рода химическим процессом), то для него дым не будем знаком огня. И здесь мы сталкиваемся с прагматическим аспектом использования знака: актуальность значения знака предопределяется как возможностями его интерпретанта, так и прагматикой того эпистемологического поля, в котором этот знак используется.

Как-то в одной из бесед Л. Витгенштейн [10], отвечая на вопрос, почему древнегреческая философия и современная философия задаются одними и теми же вопросами, сказал, что по-другому и быть не может, потому что язык один и тот же. Таким образом, и древнегреческий, и современные английский, немецкий и прочие языки, будучи разными языками, объединяются одним и тем же десигнатом. Другими словами, философский дискурс (как и другие типы дискурсов) конституируется не знаками, обладающими конвенциональной природой, а тем, что мы можем обозначить как герменевтическую необходимость: определённого рода означаемое нуждается в понимании и конституировании. Мир, подлежащий истолкованию или изменению, – это идея социальной практики познающего субъекта, которая целиком предопределяет структуру его когнитивного континуума, поэтому не имеет значения, на каком языке говорит этот субъект. В этом случае механизм инференции обеспечивает участникам коммуникации возможность необходимого рода умозаключений.

В XII–XIII вв. с точки зрения экстатической каббалы язык сам по себе рассматривался как универсум, а структура этого языка воспринималась как структура реальности. Правда, мысль в этом направлении начала развиваться задолго до этого; к этому относится попытка сравнения сущности Торы и Логоса Филона Александрийского (I в. н. э.), а позже Тора стала рассматриваться в качестве схемы, в соответствии с которой Бог сотворил мир, поэтому Тора отождествлялась с универсумом архетипов [1]. Этот пример исторического становления представлений о структуре языка и структуре реальности необходим для демонстрации преемственности направлений. В XX в. позиция Л. Витгенштейна раннего периода, в соответствии с которой: '1.13 The facts in logical space are the world.', '1.1 The world is the totality of facts, not of things' [11], фактически продолжает эту традицию. Это говорит о том, что атрибутами понятия «мир» являются и структура и язык (конечно, это далеко не все его атрибуты), актуальность которых конституирует развитие того или иного типа дискурса (социального / научного / религиозного) в конкретный исторический период, поэтому данный процесс не предусматривает завершённости, он бесконечен. Следовательно, не принципиально, является ли конвенциональной или произвольной природа языка, был или нет протоязык, находившийся в гармонии с природой вещей, потому что структура, им воссоздаваемая, постоянно «требуется» взаимодействия от субъекта познания, т.е., если воспользоваться метафорой, мир и субъект познания пребывают в непрерывной интерактивной среде [12].

Таким образом, «эпистемологическая фальсификация» (каких-либо текстов, тезисов, конструктов) происходит в результате формирования новых эпистемологических полей, непрерывающаяся трансформация которых обеспечивается метафорой, помимо других элементов.

Литература

1. *Eco U.* Dall'abero al labirinto. Studi storici sul segno e l'interpretazione. Milano : Bompiani, 2007.
2. *Aristotle.* Posterior analytics // The works of Aristotle. Vol. 1. Chicago : William Benton, 1952. P. 97–137. Translated by G.R.G. Mure.
3. *Apel K.-O.* Transformation der Philosophie. Frankfurt. a. M.: Suhrkamp, 1973.
4. *Гончаренко М.В.* Трансформация мира фактов в смыслы фактов в аналитической философии К.-О. Апеля // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 54–58.
5. *Peirce C.S.* The Collected Papers of Charles Sanders Peirce, Vol. 2 : Elements of Logic. Cambridge : Harvard University Press, 1932.
6. *Ockham W.* Philosophical writings. A Selection. Indianapolis; Cambridge : Hackett Publishing Company, 1989.
7. *Feyerabend P.K.* Farewell to Reason. London : Verso, 1987.
8. *Aristotle.* On Poetics // The works of Aristotle. Vol. 2. Chicago : William Benton, 1952. P. 681–699. Translated by Ingram Bywater.
9. *Augustine.* De Doctrina Christiana. Oxford : Clarendon Press, 1995. Latin text with an English translation by R.P.H. Green.
10. *Edmonds D., Eidinow J.* The poker Wittgenstein: A History of a ten-minute dispute between the two great philosophers. New York : Harper Collins Publishers, 2001.
11. *Wittgenstein L.* Tractatus logico-philosophicus. London : Routledge, Kegan Paul Ltd. German text with an English translation by C.K. Ogden. 1973 [1922].
12. *Karpova A., Ardashkin I., Kabanova N.* Organizational culture in focus of measurements // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 166. P. 246–253.

Mark V. Goncharenko, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: markgon73@rambler.ru

Valentina N. Goncharenko, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Tomsk Branch (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: albaregia1960@mail.ru
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 103–110.
DOI: 10.17223/1998863X/47/11

DISCOURSE TRANSFORMATION AS A CONSEQUENCE OF NEW EPISTEMOLOGICAL FIELDS FORMATION

Keywords: epistemological fields; discourse; fact; metaphor; interpretation.

Discourse transformation as a consequence of new epistemological fields formation is analyzed in this article. The process of discourse structuring from the historical perspective is analyzed on the basis of a historical investigation of a sign and its interpretation represented by Umberto Eco in his work “Dall'albero al labirinto. Studi storici sul segno e l'interpretazione”. The process is studied in the context of linguistic and extra linguistic realities correlation. Also, the influence of a dynamic object on the formation of new knowledge is analyzed: cognitive schemes, limited by the society's practice, are developed by discovering unknown aspects of reality, and give new interpretations to the known facts. A metaphor, being one of the factors of new knowledge creation used by a cognizer in different types of discourse, is connected with this process. Among the other issues, the dynamic object, as well as permanent discourse transformation, raises the problem of knowledge falsification that occurs as a consequence of new epistemological fields formation. From the point of view of epistemology, this process is interactive, and may be considered a result of a constant cognizer's interaction with the world. The role of a metaphor in this case is difficult to overestimate. As a metaphor is a tool for creating some new knowledge, it hides the mechanism of its usage from a cognizer. A metaphor gives unusual meanings to the extra linguistic reality; these meanings bring new senses, relations, directions and

so on. Metaphor functioning shows that this speech pattern is a compulsory part of semiosis. The object of the research is the reasons and grounds of new epistemological fields formation. The authors suppose that these fields condition discourse transformation.

References

1. Eco, U. (2007) *Dall'abero al labirinto. Studi storici sul segno e L'interpretazione* [From the tree to the labyrinth. Historical studies on the sign and the interpretation]. Milano: Bompiani.
2. Aristotle. (1952a). *Posterior Analytics. The Works of Aristotle*. Vol. I. Translated by G.R.G. Mure. Chicago: William Benton. pp. 97–137.
3. Apel, K.-O. (1973) *Transformation der Philosophie* [Transformation of Philosophy]. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
4. Goncharenko, M.V. (2014) The problem of transformation of the world of facts into meaning of facts in the analytical philosophy of K.-O. Apel. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 388. pp. 54–58. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/388/9
5. Peirce, C.S. (1932) *The Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Vol. 2. Cambridge: Harvard University Press.
6. Ockham, W. (1989) *Philosophical Writings. A Selection*. Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing Company.
7. Feyerabend, P.K. (1987). *Farewell to Reason*. London: Verso.
8. Aristotle. (1952b) *On Poetics. The Works of Aristotle*. Vol. II. Translated by I. Bywater. Chicago: William Benton. pp. 681–699.
9. Augustine. (1995) *De Doctrina Christiana*. Latin text with an English translation by R.P.H. Green. Oxford: Clarendon Press.
10. Edmunds, D. & Eidinow, J. (2001) *The Poker Wittgenstein: A History of a ten-minute dispute between the two great philosophers*. New York: Harper Collins Publishers.
11. Wittgenstein, L. (1973 [1922]) *Tractatus Logico-Philosophicus*. German text with an English translation by C.K. Ogden. London: Routledge, Kegan Paul Ltd.
12. Karpova, A., Ardashkin, I. & Kabanova, N. (2015) Organizational culture in focus of measurements. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 166. pp. 246–253. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.12.519